

Блики прошлого. Тени страха.

Так получилось, что к этому направлению темы Холокоста я пришла лишь сейчас, хотя с самой Катастрофой вплотную соприкоснулась вся семья моих родителей и в той или иной степени она прошла через всю мою жизнь. Видно, не случайно итогом всего этого стали две вышедшие на эту тему книги, одна из которых переведена на иврит. В них воспоминания бывших узников концлагерей и гетто, в том числе и мои собственные.

Практически в каждой главе, на каждой странице речь идет о зверствах, совершённых фашистами, их приспешниками, полицией на оккупированных территориях в ходе Второй мировой войны.

Никто из тех, кто прошёл через все доставшиеся на их долю ужасы и трагедии, до сих пор не может вспоминать, говорить о них спокойно. Слово "прощать", о чем слышат нередко, они воспринимают с большим трудом. Сама себя сколько раз в последние годы ловила на мысли: надо учиться прощать.

Мне трудно верится в раскаяние, очищение, перерождение. Слишком велика боль. Однако я не вправе отрицать и того, что, вопреки всем обстоятельствам, званиям, должностям, там же, в тех же местах, в тех же ситуациях всё-таки, пусть единицы, встречались и другие немцы, о чем пишут и говорят не так часто. О некоторых из таких мне и хочется рассказать, быть может, в пользу своей же мысли: надо учиться прощать.

В 1969 году я приехала в городок Ильинцы, что на Винничине, в Украине, с которым связаны все военные годы всей нашей семьи. Папа уже умер, мама осталась одна, и я собиралась забрать её к себе в Сибирь, где жила в то время. Мы с мамой шли по улицам городка, и вдруг из газетного киоска её окликнула средних лет женщина. Её звали Люба. Поздоровались. Она тут же обратилась ко мне: "Я считаю твоего папу своим вторым отцом. Он спас меня во время войны. В Ильинцах ещё есть те, кто выжил благодаря ему". И она начала рассказывать историю своего спасения. Я слушала её и параллельно вспоминала рассказы, не один раз звучавшие в моём детстве.

Мой папа, Кравцов Исаак Давидович, был портным, специалистом высокого класса. В годы первой мировой войны попал в плен и оказался в Будапеште. Там, на одной из фабрик он и выучился своему мастерству. В те же годы он освоил чешский, мадьярский и немецкий языки. Никогда он не шил по лекалам, для каждого клиента у него были свои математические расчёты.

Во время Второй мировой войны, как и все другие ремесленники, он был обязан работать в жандармерии или, если там не было работы, отмечаться в ней. Часто к нему подходили немецкие и венгерские солдаты поучиться его методам работы. Иной раз, увлекшись или забывшись, они проговаривались о предстоящих действиях касательно еврейского населения. Узнав об этом, папа предупреждал тех, кого они касались, и люди исчезали, убегали в другие места.

Не все относились к отцу доброжелательно. Особенно его преследовал один фашистский офицер, работавший в жандармерии. Ни имени, ни фамилии его, даже приблизительно, не помню, хотя отец не раз рассказывал о нём. Помню только, что однажды уже на выходе из жандармерии этот фашист направил на папу пистолет и приказал бежать. Отец понял, что его убьют, якобы, при попытке к бегству. Он

повернулся спиной и пошёл. Раздался выстрел. Папа упал. От страха, ужаса ли, автоматически, неосознанно ли это произошло, – не знаю, но он продолжал лежать, хотя пуля и не коснулась его. Заставил подняться голос. Встал. Оглянулся. В дверях стоял другой человек, тоже немец, начальник жандармерии, по фамилии не то Корн, не то Корген, точно не помню. Тот же, что угрожал, лежал на земле. В тот же миг начальник приказал: "А теперь беги и спрячься получше".

Прошло много времени. Папа вернулся в жандармерию. Однажды, когда, как обычно, он работал за столом. Мимо прошёл всё тот же главный жандарм и, молча, положил перед отцом игольницу (подушечка для хранения иголок). Папа посмотрел на неё и всё понял. Он узнал игольницу. Когда-то, приехав из Будапешта, он привез и подарил её своему брату Мехл. То, что теперь она лежала перед ним, свидетельствовало о том, что брата больше нет. Где, как погиб он, папа до своих последних дней и не смог узнать. Совершенно случайно здесь, в Израиле, в Беэр-Шеве, очевидцы сообщили мне о гибели дяди Мехл. Его привязали к лошади, стегнули её, и она понесла его в бесконечность. Где он покоится, и я не знаю, но в день Катастрофы и Героизма европейского еврейства и в честь него я зажигаю поминальную свечу.

Как-то зимой, не то 1942, не то 1943 года, в Ильинцы проникла группа партизан. Не знаю, было ли выполнено задание, но стало известно, что поймали девушек и отвели в жандармерию. Весть об этом быстро разнеслась по городку. Через какое-то время в мастерскую пришёл начальник жандармерии (он часто заходил сюда, проверял, держал всё под своим контролем). Проходя мимо моего отца, тихо обронил на немецком лишь одну фразу: "Девочкам развязали язык" и пошёл дальше. Папа понял: они не выдержали пыток. Каким-то образом (за давностью лет в моей памяти не сохранилось, как именно) он всё-таки сумел передать эту весть партизанам, и в ту же ночь они совершили налёт на жандармерию и освободили девушек.

Вспоминая всё это и другие столь же неожиданные случаи, я думаю о том главном ильинецком жандарме. Почему он подавал отцу эти условные знаки, скрытые и явные предупреждения? Допускаю, мастерство, знание языков и сыграли определённую роль. И всё же не думаю, что он питал к отцу братские чувства. Но ведь почему-то он так поступал. Почему? Во имя чего? Ведь задачу фюрера он выполнил отлично. В Ильинцах из без малого пяти тысяч евреев в живых остались менее девяноста человек, а в двух братских могилах покоятся десять тысяч моих соплеменников, согнанных сюда не только из ильинецкой округи, но даже из других европейских государств.

Я не одинока в своих воспоминаниях, сомнениях. Когда работала над созданием книги "А жить так хотелось..." (Кирыят Бялик, 2010 г) *, обратила внимание на подобные рассказы. Позволю себе обратиться к некоторым из них, к тем фактам, когда, нарушая все требования и уставы, немецкие солдаты, оставшись безмянными, оказывали помощь обречённым на смерть. Вот эпизод из жизни той поры Евгении Гехтман. Произошёл он в селе Верхивка Винницкой области, где в это время свирепствовали отряды СС:

"Однажды нас выгнали на чистку шоссе. Тогда, в возрасте шестнадцати лет, я была очень мала и худа. Солдат-немец посмотрел на меня и жестом приказал сесть на придорожный столбик. Вынул из кармана мандаринового цвета коробочку, намазал маслом кусочек хлеба и подал мне. Вдруг я услышала, как он тихо сказал: "Фарфлюхтер Гитлер". Он освободил меня от работы и сам вместе с мальчиком, узником гетто, очистил мой участок. Я знаю точно, если бы меня заставили взять лопату, я бы упала и больше не поднялась. Я еле стояла на ногах".

А вот ещё один эпизод того времени, ярко показывающий, как проявляли себя солдаты оккупационных войск в одних и тех же обстоятельствах. Рассказывает бывшая малолетняя узница гетто Малка Эйдельман. События происходили зимой 1943 года в селе Устя, Винницкой области:

"Я родилась в свинарнике в первый день января 1943 года. Вокруг голод, холод, антисанитария. Не было самого минимального, чтобы поддержать мою жизнь. Однажды мама обменяла свои золотые серёжки на немного молока. Поставила прокипятить на примус. Со мной на руках села на доску погреться у огонька. Тут зашёл староста и два немца. Стали искать яйца. Закудахтали куры, поднялся шум. Разъярённые солдаты начали избивать всех, кто попадался под руку. Один из них рванул доску, на которой сидела мама. Кипящее молоко опрокинулось и ошпарило меня. Мама сняла прикрывавшую меня тряпку вместе с кожей. Она рассказывала, крики были невыносимые, все ночи напролёт я не закрывала рот. Вместе со мной плакала и она сама.

Позже мама вместе со мной перебралась в какой-то заброшенный дом. Но снова пришли немцы. Искали пищу и мужчин, способных работать. Ничего не найдя, они вырвали меня у мамы и выбросили на улицу, на снег. Мама кричала, плакала. Чтобы она не бросилась вслед за мной, ей и еще трем женщинам, находившимся там же, связали в один узел их длинные волосы. Один из солдат не выдержал, вышел во двор, схватил меня и забросил на печь. На моё счастье, там прятался старик. Он не мог уже ни работать, ни ходить. Этот дед притянул меня к себе, достал из кармана яблоко, кусал его, разжевывал и пускал сок прямо мне в рот. Закутал в свой тулуп, и я успокоилась".

Можно было бы еще приводить примеры, но я закончу доказательную часть рассказом бывшего узника гетто местечка Балка, Винницкой области

Нахума Бубиса:

"Однажды, когда началось наступление советских войск, это запомнил я очень хорошо, к нам в гетто пришёл немец-фельдфебель и сказал: "Сегодня ночью будут русские. До этого немцы подорвут вас вместе с казармами. Убегайте, кто может. Полями, лесами, только не дорогой. По ней уходят немцы и румыны с техникой. Вас расстреляют, если вы пойдете по дороге". Сказал и ушел".

Все эти воспоминания – свидетельства того, что и в обстановке зверства в фашистских рядах были и такие, кто умел сострадать, сочувствовать и действовать вопреки уставам и требованиям фюрера. Однако то были единицы. Если бы таких у их народа было больше, на сколько бы уменьшилось число шесть миллионов погибших евреев? Пока же, в то же

самое время, когда на оккупированных территориях в фашистских войсках чья-то душа не выдерживала всех изуверств, творимых ими, в самой Германии народ поддерживал фюрера. В воздух кидали кепочки и шляпки после каждого его слова. Потребовалась объединённая внешняя сила, чтобы смести фашизм. Но вот что пугает: кто-то вновь переиздает "Майн кампф", под любым предлогом пытаюсь доказать его необходимость и значимость. Кому, для чего, зачем это надо? Для нового испытания Судьбы? В том числе и для самих немцев?

И я вновь возвращаюсь к своим сомнениям: кого прощать? За что? Тех, кто вопреки всему нечеловеческому поступал по-человечески? Их не надо прощать. Спасая кого-то, они даже и не знали-не ведали простой истины: спасший одного человека – спас целый мир. Такие заслуживают лишь благодарности.

Так как, кто же развеет мои сомнения? Только, пожалуйста, не те, кто знает о войне лишь умозрительно...

---

* "כל כך רצינו לחיות" - в ивритском варианте (Кирыят Бялик, 2012г.).

Л. Корнеева,

бывшая малолетняя узница

Ильинецкого гетто (Винницкая обл., Украина),

журналист.

г. Беэр-Шева, 2017 год.